

СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ ЭКСТРАСЕНС

ИРИНА КАЛЮЖНОВА

**МЫ НАЧИНАЕМ
И ВЫИГРЫВАЕМ**

К начинающему и не особенно удачливому экстрасенсу и белому магу Елена пришла потому, что была уверена, что обладает страшной способностью делать людям зло «чёрным глазом». Но Алексей Тимофеевич быстро понял, что дело не в «чёрном глазе», а бандитских разборках, в которые оказалась втянута и Елена. Алексей влюбился в клиентку с первого взгляда, и теперь они работают вместе. Они должны выиграть. Им нужно обхитрить бандитов, которых прикрывает милиция. Это не только восстановит справедливость, но и даст возможность Алексею Тимофеевичу вывести свою работу на совсем новый уровень.

Ирина Калюжнова

МЫ НАЧИНАЕМ И ВЫИГРЫВАЕМ

ГЛАВА 1

На свете ничего не происходит просто так. Случай — это указующий знак. Глупый его не замечает, умный старается понять, а мудрый идет за ним. Алексей Тимофеевич в этом не сомневался и причислял себя к мудрым людям. Она пришла именно к нему и выбрала его из многих, и это был знак. Он влюбился в нее с первого взгляда, со второго понял, что в ней нет ничего особенного, с третьего в этом убедился, а когда она заговорила, то это было вообще «туши свет», но не имело никакого значения, потому что с первого взгляда он влюбился.

Ей было, наверное, лет тридцать пять, и хотя выглядела она моложе и держалась естественно, ее тридцать пять были все же видны, причем трудные тридцать пять. Ей, конечно, приходилось рассчитывать только на себя и, наверное, хочется быть за кем-то, да и какой женщине этого не хочется. Ее облегалo легкое платье с завышенной талией и длинной юбкой. Алексей Тимофеевич помнил, что такие носили в прошлом году, ей оно очень шло. На ногах босоножки на плоской

подошве, пальцы с облупленным маникюром как-то очень мило выглядывали из-под ремешка. Было самое начало сентября, но жара стояла летняя. Ее покрывал ровный красивый загар, полученный, надо думать, не на морском курорте, а на городском пляже.

Слушая ересь, которую она несла, Алексей Тимофеевич беззастенчиво ее разглядывал. Она не обращала на это ни малейшего внимания. Или была увлечена рассказом, или считала, что так и положено. Она наверное, разведена или вдова. Он почему-то сразу решил, что она не замужем и у нее есть ребенок, причем девочка, девочка-подросток. В вырезе платья ясно вырисовывалась грудь, довольно низкая, наверное, носит самый простой бюстгальтер, не любит себя стеснять.

Она все говорила и говорила, и хотя слова ее были сумбурны, сущность дела он понимал. Какая-то разборка бушевала вокруг нее, а она привыкла все делать сама и считает, что не обошлось без ее участия, чтоб разобраться в своих сомнениях, она пришла к нему, эзотерику и экстрасенсу.

Свою деятельность Алексей Тимофеевич начал не так давно. Психология его всегда интересовала, но в то время, когда надо было срочно поступать в институт, чтобы не загреметь в армию, выбирать не приходилось. В их инженерной

семье связей таких, чтоб устроить на психологический, не было и быть не могло, денег на взятку тоже. Мама, правда, сказала, что деньги, кое-что продав, можно бы и найти, но кому дать? В общем, он стал инженером-электронщиком и не жалел об этом. Знания емугодились, хотя, конечно, получить их можно было намного быстрее. Да и что, кроме диплома, мог дать ему психфак. Осмотревшись, он понял — ничего ровно.

Да и стоило ли там учиться во времена, когда всякий нестандартно мыслящий мог быть объявлен ненормальным. Тогда все объясняли объективными причинами, а сейчас принято считать, что человек может повлиять на судьбу мира или хотя бы на свою собственную. Он знал, что это не совсем так, но и понимал, что вера в это помогает и поэтому ею нельзя пренебрегать.

И было еще много такого, что он знал, в чем сомневался и чего не знал совсем. С наступлением новых времен проектный институт, в котором Алексей Тимофеевич отсиживал с 9 до 6, сократился до одного отдела, о чем лично он несколько не жалел, поскольку к этому времени окончил редкие по тем временам курсы эзотерики и с некоторыми другими — было их всего пятеро — начал вести самостоятельный прием. Дела у их группы шли неплохо, но потом начались осложнения.

Пока эзотерика, астрология и тому подобные вещи были экзотикой, которой увлекались немногие, официальные органы не обращали на «неформалов» особого внимания, это было что-то вроде хобби или клубов по интересам. Но когда оказалось, что услуги эзотериков имеют спрос и, предоставляя их, можно получить доход, требования всякого рода лицензий, регистрации, деклараций посыпались со всех сторон. Ко всему еще понадобился и официальный психологический диплом.

К тому времени образование стало мягко переходить на платные рельсы и абитуриенты превратились из жаждущих претендентов в капризных покупателей, выбирающих из многих, рекламирующих свой товар. Именно тогда ему попалось на глаза объявление о том, что Государственный университет открыл факультет второго образования, где психологический диплом можно получить за год. Оплата для него оказалась вполне приемлемой. Посетив несколько лекций, Алексей убедился, что делать ему здесь нечего, многое он давно знал, со многим был не согласен, а спорить ни с кем не собирался.

А потому, приплатив еще немного, в конце концов, время — деньги, через год получил диплом, не утруждая себя посещениями занятий.

Их эзотерическая группа к тому времени

развалилась, хотя все они остались друзьями. Алексей Тимофеевич получил официальную регистрацию и начал вести прием в собственной квартире, которая досталась ему после смерти родителей. Самостоятельную практику открыли и другие члены группы. Алексей Тимофеевич, конечно, не мог получить правдивую информацию от бывших своих коллег, но имел основание предполагать, что его дела идут лучше, чем у многих других. К своей рекламе «Нет неразрешимых проблем, а есть проблемы, решение которых еще не найдено», он прибавил: «Восстановление гармонии в семье, снятие порчи, сглаза, заговоры на удачу и снятие венца безбрачия». И клиенты к нему пошли, и многим он даже помогал. Но для настоящего разворота не хватало средств. Нужно было помещение, офис, а не собственная квартира, и во-первых, реклама, во-вторых, реклама и, в-третьих, тоже реклама, причем косвенная, которая стоит дороже. Кстати, о рекламе. Он посмотрел на сидящую напротив него женщину. — Как вы узнали обо мне?

— Мне сказала знакомая, но она просила...

— Да, да, конечно.

Ну вот, она расслабилась, выплеснула все, преодолела смущение. Он сказал:

— Теперь начнем сначала.

Она тревожно посмотрела на него.

— Вам непонятно?

Он все понял, понял, что произошло, наконец, то, что не могло не произойти. А что именно она говорила, он прослушал, но это исправимо. Он сказал:

— Нет, все, что случилось, мне понятно, не вполне ясна ваша роль. Это потому, что при рассказе вы отключили свою энергетику. Вам нужно сосредоточиться и мне помочь.

Он зашел за ширму, где у него висело несколько икон, стояла фигурка Будды, лежали всякого рода амулеты, а также руны, карты Таро, засаленная цыганская колода и другие вещицы в этом роде. Все это он доставал в зависимости от вкусов клиента. Для нее он выбрал магический шар, правда, не хрустальный, но очень красиво сделанный из кусочков стекла, его подарил знакомый мастер со стекольной фабрики. Алексей Тимофеевич поставил шар перед клиенткой и сказал:

— Положите руки на шар, крутите его и постарайтесь передать ему то, что чувствуете.

Она послушно положила руки на шар. Он встал у нее за спиной, чтобы полюбоваться ее затылком. Темные, почти черные волосы, довольно тяжелые на вид, свернуты узлом и заколоты пряжкой. Он видел такие на лотках на художественном базарчике, и ему всегда казалось,

что они совершенно не подходят современному облику женщины, но у нее в волосах заколка была как раз на месте. Интересно, какой длины у нее волосы? Он сказал:

— Свободному течению энергии могут мешать всякого рода узлы из волос, если можно, освободите волосы.

Не оборачиваясь, она вынула из волос деревянную заколку, и узел размотался. Он так и думал — до середины спины. С распущенными волосами она выглядела совсем по-домашнему.

— Итак, — сказал он, — начнем сначала, и постарайтесь переключить эмоции на шар, простите, как вас зовут?

— Елена Ивановна.

Лена, Леночка — имя красивое, но уж больно банальное, он будет называть ее Леля. Возможно, кому-то это покажется претенциозным, но ведь это будет имя только для них двоих. Все-таки надо войти в курс и выяснить, в чем ее проблемы.

— Итак, Елена Ивановна, прежде всего, как вы попали в эту фирму?

— Я... ну, через знакомых, я раньше в другом месте работала, но там уже все разваливалось. Небольшие фирмы часто терпят крах, и приходится искать новую работу. Мне подружка, одноклассница, сказала, что им нужен бухгалтер, я пришла, и директор очень хорошо меня принял. Он

вообще интеллигентный человек, профессор, на пенсии сейчас — вот и занялся. У них была бухгалтер, но совершенная дура, знаете, из только что закончивших курсы. Представляете, она смотрит на меня и говорит: «Что мне делать с дисконтом?»

Алексей Тимофеевич не знал, что такое дисконт, но посчитал, что без этого он спокойно обойдется.

— И вы стали там работать.

— Да, и было, в общем, нормально и зарплата нормальная.

В чем же там может быть дело, возможно, на нее хотят свалить какие-нибудь махинации, которыми занималось руководство?

— А вам приходилось делать что-нибудь... Ну, мотать, рисковать или, как это называется, в общем, делать что-нибудь не совсем законное?

Она оторвала руки от шара и посмотрела на него.

— А для того, чтобы получать нормально, я думаю даже, чтобы просто работать, мотать обязательно.

— Налоги, — начал, было, он.

— Не только наша фирма занимается ремонтом сельхозтехники, — перебила она его, — покупали детали, ворованные с заводов, они намного дешевле, но их нужно было провести через

бухгалтерию, а потом обналичка ну и...

— Понятно, вы рискуете.

— Остаться без работы и не иметь денег — гораздо больший риск.

— Согласен.

— Важно, чтобы это ценилось и соответственно оплачивалось, и до сих пор так и было.

— А потом?

— Потом появился этот мальчик — Сеня. Директор сказал, что он будет мне помогать. Я ведь, знаете, инженер-электронщик, закончила институт радиоэлектроники, а уже потом бухгалтерские курсы, но у меня большой опыт.

Алексей Тимофеевич обошел стул, на котором она сидела, и теперь смотрел сбоку на ее нежный и слегка расплывчатый профиль. Значит, они учились одновременно, ведь они примерно одного возраста, учились на одном факультете, только в разных институтах., и чего бы им не встретиться на городском студенческом вечере? Нет, все правильно, тогда они не были готовы к встрече. Они должны были встретиться именно сейчас — ни днем раньше, ни днем позже. Жаль, что нельзя сказать ей этого, он ведь теперь, кроме всего прочего, потомственный белый колдун, хотя почему бы белому колдуну и не изучать электронику.

Он был абсолютно уверен, что никогда раньше не видел ее и тем не менее узнал сразу. Именно ее он ждал всю жизнь, но она пришла только сейчас, значит, он наконец заслужил ее появление.

Она смотрела на него глазами девочки из сказки. Она была той самой первой любовью, которая таилась в глубине его души. Его поколение выросло не на «ужасниках», а на сказках, где всегда побеждает добро и справедливость. Любовь и красоту в детстве для него олицетворяли Аленушка, Василиса Прекрасная, добрая и работающая падчерица у злой мачехи. И хотя со временем образ этот забылся, но продолжал жить в глубине памяти.

Елена Ивановна сидела перед ним. Она не юная девушка, а взрослая женщина, но это ничего не меняет. Ее глаза открыты и добры, без холодной защитной пленки, без злинки, только немного усталые.

Можно, конечно, удивляться, что подобные женщины существуют. Впрочем, судя по сказкам, их всегда было немного. На первый взгляд странно, что она выжила в этом мире, работает бухгалтером и связана со всякими сомнительными делами. Но разве сказочный мир был таким уж безопасным местом? Он так и кишел всякой нечистью. И тем не менее сказочные красавицы в нем выживали, не склонялись перед темными силами и привлекали к

себе добрые.

Между тем Елена Ивановна продолжала:

— А этот Сеня окончил финансово-экономический институт и не сделал на векселе индоссамент.

Что такое индоссамент, Алексей Тимофеевич тем более не знал, но не посчитал и это упущением.

— Но постепенно, — голос Елены Ивановны зазвенел, — я заметила, что у нас все, абсолютно все для Сени, и компьютер постоянно у него, а о том, чтобы купить второй, речи нет. И потом он мне как-то сказал: «Я, Елена Ивановна, уже почти могу вас заменить», то есть ему нужно было, чтобы я его научила и ушла.

— Возможно, он какой-нибудь родственник вашего директора?

— Не знаю, может быть, теперь это не имеет значения. Вы знаете, у меня была такая ненависть, такая злость, я даже ночью видела его лицо, причем ненавидела я именно Сеню. Поэтому я не удивилась даже, когда это случилось.

— Что? — спросил Алексей Тимофеевич неосторожно, значит, он все прослушал.

Но она не обратила внимания на странность его вопроса.

— Он был расстрелян из машины прямо посреди улицы, убийцу, естественно, не нашли.

— Давно это было?

— Месяца полтора.

— И вы продолжали там работать?

— Да, но с директором стало твориться что-то невообразимое.

— Еще бы.

— Он стал цепляться ко мне.

— А к другим?

— И к другим тоже. Но вы же понимаете, что главное — бухгалтерия. У меня создалось впечатление, что он меня считает во всем виноватой. В конце концов, я только бухгалтер.

— А что он за человек?

— Вообще-то, он был человеком очень добросовестным и неглупым, но в бизнесе не особенно разбирался. Его представления, как бы это правильнее сказать, слишком романтичны, что ли. Взять хотя бы обналичку.

— Обналичку? — переспросил он.

— Ну, это превращение безналичных денег на банковском счете в наличные. Это делается через всякого рода фирмы, которые якобы оказывают нам какие-либо услуги, мы переводим деньги на их счет, они снимают их и передают нам, оставляя себе процент.

— Понятно, так что же ваш директор?

— Пока суммы были небольшими, он все подписывал. Но когда обналичка стала возрастать, запаниковал. Форменные истерики закатывал. В

бизнесе в нашей стране честно не бывает, нужно хитрить, и пока суммы обналички были небольшие, он это воспринимал спокойно, а потом вдруг о совести заговорил. Это все равно что заявить: убить человека ножом можно, а застрелить нельзя.

— Может быть, он просто испугался ответственности?

— Возможно, но работа на фирме превратилась в сущий ад. Впрочем, возможно, для конфликтов были и другие причины, но зачем вообще конфликтовать?

— А кто ваши хозяева?

— Вообще-то нашу фирму контролируют двое. Они весь ремонт сельхозтехники в городе захватили.

— Вы можете их описать?

— Постараюсь. Одного зовут Пятак. Это не кличка, это его настоящая фамилия. Он сидел, они оба сидели, но Пятак, если не знать, больше на комсомольца постаревшего похож, на кого-нибудь из партхозактива, а другой — Птица — это кличка, фамилия его Егоров, так тот точно на бандита похож, — черный весь, изломанный, кривобокий и хромает.

— Вы говорили про директора, — напомнил Алексей Тимофеевич.

— Ах да, директор, меня просто тошнило от ненависти к нему, только устроилась так хорошо, а

этот идиот все портит. И то, что случилось позавчера...

— Что? — выдохнул он.

Ее по-прежнему не удивляли его вопросы.

— Он был убит возле своей квартиры двумя выстрелами, говорят, так киллеры убивают.

— И что сейчас?

— Ничего, Пятак приходил — нашим отделением фирмы он занимается, — сказал, чтоб я не волновалась, что покойный всегда хорошо отзывался о моей работе, что найдут нового директора.

— Но вы боитесь?

— Нет, я не боюсь, если бояться таких вещей, то вообще работать не надо.

— Тогда что же вас волнует?

— Как что? Ведь это я их убила, у меня черный глаз.

Он чуть не расхохотался и спросил:

— Почему вы так думаете?

— Я давно замечаю, — сказала Елена Ивановна серьезно, — что мои плохие пожелания обычно сбываются. С теми, кто причинил мне зло, случаются несчастья.

Он посмотрел в ее распахнутые глаза и улыбнулся.

— Не думаю, чтоб вы многим желали зла.

— Многим я и не желаю. Но ведь такие вещи

неминуемо отразятся на мне или на моей дочке.

Значит, у нее дочка. Он угадал. Она вдруг вскрикнула.

— У меня никогда ничего не получалось, я всегда сама тянула весь воз, — и она заплакала. Она плакала не так, как плачут женщины, когда на них смотрят, красивыми движениями промокая на щеках слезы, а как плачут дети, когда есть кому слушать. Ее лицо по-старушечьи скривилось, а слезы катились из глаз, смывая тушь с ресниц, правда, туши оказалось немного.

— Перестаньте, — сказал он, включая свои самые властные интонации, — перестаньте и возьмите себя в руки.

Такой тон обычно действовал, особенно на женщин. Если человек пришел к психологу, значит, он хочет подчиниться чьей-то воле, чьему-то мудрому совету.

— Не перестану и не возьму! — воскликнула она сквозь рыдания и хлопнула ладошкой по столу. — Я всегда спокойна, я всегда улыбаюсь, дома — для дочки, а на работе мне за это платят, а вы, вы ведь ждете, что я вам заплачу.

И она снова заплакала, всхлипывая с наслаждением. Алексей Тимофеевич в полном восторге смотрел на нее. Она ведет себя совершенно правильно. Ее обаяние разило наповал тех, кто понимает: для него, заплаканная, с

размазанной по щекам косметикой, она была очаровательна. А на тех, кто не понимает, не стоило тратить порох, для них она ничем не примечательная женщина, что бы она ни делала. Но, если женщина покоряет сразу и навсегда, одного из тысячи, то ей вполне хватит. Хотя, впрочем, ей трудно найти во всех отношениях достойного ее человека, может быть, поэтому она и плачет, но эта проблема у нее решена, это он тот, кто ей нужен, ей повезло. Кстати, о проблемах. Он сказал:

— Я, конечно, не работаю бесплатно, но и даром денег не беру. Я попытаюсь вам помочь, и, если получится, мы решим вопрос об оплате.

Он, разумеется, никогда и никому такого не говорил. Она посмотрела на него удивленно и уважительно. Глаза у нее были серые с радужной оболочкой, а брови изогнуты, но не подбриты. Он продолжал:

— Перестаньте плакать, теперь нужно, чтобы вы были спокойны.

— Хорошо, — она улыбнулась.

Улыбка не преображала ее лицо, но делала еще более милым. Это улыбается ее душа, думал Алексей Тимофеевич, — можно быть уверенным, что она никогда не репетирует улыбку перед зеркалом.

Он слегка отвел глаза, боясь, что она заметит

его взгляд, потом протянул ей руки ладонями наружу.

— А сейчас положите свои ладони на мои.

Она послушно исполнила его просьбу. И когда ее небольшие круглые руки легли на его ладони, он не почувствовал волнения или пронизывающего трепета, он почувствовал себя дома, наконец-то дома. Он сощурился, сосредоточенно глядя как бы сквозь нее, а потом сказал твердо и уверенно:

— Нет, у вас не черный глаз.

И он действительно был в этом уверен. Она снова доверчиво улыбнулась, и он продолжал:

— Все, о чем вы говорили, просто совпадения, поверьте мне. И если в прошлом с людьми, которые вас обижали, что-то случилось, то вы к этому никак не причастны. Вы вообще мало думаете о других.

— Как это?

— Вам ведь безразлично, что подумает или скажет о вас что-то.

— В общем, да.

— Поэтому вам просто лень тратить на кого-то свою энергетику.

— Пожалуй, так, — и она снова улыбнулась.

— Но случай ваш, — он изобразил мрачное раздумье, и раздумывать было о чем, — очень серьезный и опасный, — он не сомневался, что так оно и есть. — Это черная энергетика тонкого мира

охватывает многих, сейчас трудно сказать, кого именно, и, если не принять мер, последствия могут быть самыми плачевными. Я вас не пугаю, поверьте мне.

Она слушала его как зачарованная. Потом спросила:

— Что же делать?

— Не знаю.

И он действительно не знал. То есть знал совершенно точно. Это какая-то разборка, от которой лучше быть подальше. Ноги в руки и бежать. Но сказать ей это, значит больше никогда ее не увидеть. Да она ведь и без него знает, что опять искать работу, опять оказаться на мели — это пострашнее разборки. Но в мире ничего не происходит просто так, и эта разборка не случайна. Он сказал:

— Сейчас не знаю, мне нужно поработать и посмотреть по карме всех, кто в этом задействован. Вы ни о чем не беспокойтесь, но будьте осторожны. Если заметите какие-то изменения, позвоните мне и приходите, — он на минуту задумался, — в четверг. Теперь скажите мне данные, все известное вам про фирму.

Под ее диктовку он записал адрес фирмы, офиса Пятака, офиса Птицы, поставщиков, заказчиков, тех, через кого, по мнению Елены Ивановны, шла обналочка, все имена, которые она

помнила.

— Все, — сказал он, вставая, — впрочем, я веду учет клиентов, если хотите, можете не называть свой адрес и фамилию, дайте контактный телефон, номер абонентского ящика или что-нибудь в этом роде.

— Нет, почему же? — Она продиктовала фамилию, свой адрес и телефон.

После ее ухода Алексей Тимофеевич долго смотрел на магический шар.

Как часто встречал он женщин с лучезарной улыбкой и с глазами злых цепных собак. Он никогда не осуждал их. Жизнь тяжела и порой непосильна. Обладатель добрых глаз силен и мудр, он знает, что победит зло и весь мир придет ему на помощь. Она пришла к нему, значит, он достоин этого. Не важно, что она работает на фирме, где идут пока непонятные ему разборки, и озабочена заработком. В сказке все также, если глубже копнуть. Она не так уж сильно отличается от жизни, как принято думать.

Он зашел за ширмы, снял с полки Евангелие, открыл наугад и отсчитал строчки сверху по собственной методе, и вышло: от Иоанна глава 20(25):

«И вот другие ученики сказали ему: мы видели Господа. Фома же ответил им: пока я сам не увижу на руках его раны от гвоздей и не дотронусь

пальцем своим до ран от гвоздей, и пока не дотронусь рукой до раны меж ребер Его, — до тех пор не поверю».

Он захлопнул книгу, это было как раз подтверждение его решения. Недаром из всех апостолов он больше всех симпатизировал Фоме.

Алексей Тимофеевич не знал, что такое дисконт и что такое индоссамент, и не считал, что этот пробел так уж необходимо восполнить, но он знал, что такое крыша и что такое пахан, и не сомневался, что эти знания ему придется совершенствовать.

Итак, следует прежде всего дотронуться до ран от гвоздей, дотронуться собственноручно. Он раскрыл свой журнал, в котором записывал данные клиентов, начал внимательно изучать список.

ГЛАВА 2

Он, конечно, говорил, как и все, что его советами пользуются представители большого бизнеса, но это было, мягко говоря, преувеличением. Бизнес, связанный с госструктурами, отлично обходился без него и таких, как он. К нему ходили колеблемые на всех ветрах мелкие предприниматели, причем тогда, когда их уже достали. Итак, Кондаков, Кондаков Петр Григорьевич, Петя. В прошлом школьный

учитель, он организовал ремонт сельхозтехники, и вначале дела его шли очень успешно. Потом начались неприятности, налоговые инспектора озверели, и договориться не было никакой возможности, все и всяческие проверки сыпались как из рога изобилия, и, наконец, последовали прямые угрозы. Близкий к полному отчаянию, Петя пришел к нему, стыдясь сам себя. Приходить к нему многие стыдились. Это, по их мнению, свидетельствовало о слабости. Ну, а найм охраны и телохранителей о чем свидетельствует? Проблема Пети была ясна, как день, на него наехала более сильная конкурирующая структура, но он, уйдя из учительства в бизнес и, в общем, преуспев, возгордился, как индюк, и был совершенно не готов считаться с реальностью. Зачем было из школы уходить, если и здесь достает начальство. Он высказал такого рода сентенции Алексею довольно раздраженно, и было понятно, что ему куда легче поверить в черную энергетику, чем в то, что мафия бессмертна. Ему тоже был вынесен магический шар. Алексей осторожно спросил про семью и выяснил, что Петина жена всегда мечтала стать модельером, участвовала в каких-то конкурсах, но там, разумеется, все по блату. Петиней жене не присуждали престижных премий. О ней не писали модные журналы, короче, ей не давали пробиться.

Пете ее модели очень нравились, он даже

начал демонстрировать пошитую женой куртку, подробно объясняя ее достоинства. Вполне согласившись с достоинствами куртки, Алексей после глубокого раздумья изрек:

— Все ясно, профессиональный эгрегор жены вступил в противоречие с вашим эгрегором. Чем она сейчас занимается?

— Хозяйством.

— И ей это нравится?

— Нет, она, знаете, не так воспитана, чтоб пыль вытирать, мы однажды шили с ней на одну фирму, но там массовка шла по их лекалам.

— Вот видите, отсюда и проблемы.

— Как это? — спросил Петя.

— А вот так — ваше восприятие тонкого мира связано с восприятием жены, а от нее исходит отрицательная энергия.

— Вы хотите сказать, что это она виновата?

— Нет, конечно, просто это надо было предвидеть с самого начала.

Петя задумался, полностью отключить логику было все-таки трудно. Он спросил:

— Но ведь бывает, что муж и жена имеют разные профессии, занимаются разным бизнесом?

— Разве ваша жена занимается профессией или бизнесом? Она сидит дома и страдает от своей нереализованности.

Петя молчал, и Алексей Тимофеевич решил

рискнуть:

— Сколько вам предложили отступного?

Петя назвал сумму, и Алексей Тимофеевич понял, что это мало, но все же лучше, чем ничего. Кроме того, что-то дадут за сам бизнес, вернее, вынудят продать по дешевке. Но другого выхода у Пети нет. Он сказал;

— Вас направляют на перемену деятельности
— это ведь ясно...

— Кто направляет?

— Высшие силы, — изрек Алексей Тимофеевич и понял, что больше говорить не нужно. Услышанное вполне соответствовало ходу мыслей Пети.

— Я знаю, где можно снять помещение дешево, — сказал он, — и машины знаю, где купить вполцены, мы займемся шитьем, это очень перспективно, у моей Люси такие модели, а дешевый импорт уже всем надоел.

Дальше можно было не продолжать. Петя сам все решил с его помощью, и та вполне приличная сумма, которую он вручил Алексею Тимофеевичу за психологический сеанс, не была для него потерянными деньгами. Насколько было известно Алексею, дела у Пети шли хорошо.

Но сейчас важно было другое. Те, кто вынудили Петю переменить бизнес, сейчас захватили весь ремонт сельхозтехники в городе, а

это значит, что они и есть хозяйева Елены Ивановны. О них и нужно узнать поподробнее, положить пальцы на рану. Он снял трубку и набрал номер.

— Петр Григорьевич? Здравствуйте. Это Алексей Тимофеевич, вы помните меня? Нет, ничего не случилось, просто я контролирую своих клиентов. Хочу посмотреть, как у вас дела. Нет, это ничего не стоит. У моих клиентов должно быть все благополучно — это реклама моей работы.

Петя объяснил, как найти мастерскую, и менее чем через час Алексей Тимофеевич был там. Судя по всему, Петя процветал. У него в цехе, который находился в полуподвале старого кирпичного дома, стоял даже компьютер для моделирования. Швей было четыре, Петя кроил. Алексей Тимофеевич молча обошел всю мастерскую.

Разговор нужно было как-то начинать, а начинать лучше всего с эзотерики.

— Здесь все чисто, — сказал он, — чисто энергетически.

— Да, — сказал Петя серьезно, — но мы в основном повторяем иностранные образцы, а теперь будем делать по-другому, вот посмотрите. — И он продемонстрировал женский костюм, сконструированный женой. Алексей рассмотрел костюм очень внимательно, ему понравилось, он мысленно примерил его на Лелю и решил, что вполне подойдет. Он не считал себя

большим знатоком в этой области, но, по его глубокому убеждению, сконструировать что-либо изящное и недорогое, как, например, этот костюм, на-много сложнее, чем сотворить шедевр высокой моды с оборкой на животе и декольте на заднице. Он сказал это Пете, и Петя совсем раз- с мяк. Тогда Алексей Тимофеевич приступил к делу:

— Я вижу, отступного хватило. А как те, что дали, поживают?

— Думаю, неплохо, монополизировали весь ремонт сельхозтехники. Да какое мне до «них дело, я, знаете, теперь многое пересмотрел, мне просто был дан знак, чтобы я уходил, это было не мое, сейчас мне намного интереснее, да и Люся смогла наконец делать то, что всегда хотела. — Он готов был говорить в таком духе еще долго, но Алексей Тимофеевич довольно нетактично перевел разговор в другое русло.

— А кто они такие?

— Кто? — не сразу переключился Петя.

— Те, кто дал отступное.

— Бывшие уголовники.

Да, так и Леля сказала, а что в этом удивительного? Почему криминальный капитал должен быть обязательно вложен в бордель или казино? Это просто стереотип, от которого нужно отвыкать.

— Уголовники, и работают без милицейской

крыши, — продолжал Петя.

— Почему вы так думаете?

— Была бы у них милицейская крыша, налоговая бы так на меня наехала, что только ноги уноси. А так они, видно, какого-то своего инспектора слегка натравили и отступное дали, так что мне, считайте, повезло.

Выйдя на улицу, Алексей Тимофеевич зашел в небольшой скверик, купил мороженое и сел на скамейку в тени.

Итак, Леля работает в фирме, которая захватила весь ремонт сельхозтехники в городе. Что же происходит там сейчас? Скорее всего, снопа передел. В таком случае, что же может угрожать Леле? А ничего, ей совсем не нужно бежать, риск такой же, как при переходе улицы. Ее никто подставлять не собирается. Что бы ни случилось, бухгалтер всем нужен. Он может с чистой душой успокоить Лелю, но что дальше?

Случай — это указующий знак, и, идти нужно вслед за ним. И он обратился к силам, о которых никому не говорил, но в которые верил, иначе он бы к ним не обращался.

Алексей Тимофеевич выбросил пустой пакетик от мороженого и пошел по направлению к дому. Но вдруг остановился. Сладкое стимулирует мозговую деятельность и, очевидно, сильно, поскольку то количество сахара, которое

содержалось в небольшой порции мороженого, помогло ему вспомнить. Ответ от высших сил пришел быстрее, чем можно было ожидать.

Он ведь имел дело с убитым директором фирмы. Вернее, его женой. Он не сразу вспомнил, потому что после замужества она не переменяла фамилию. Самого директора он видел только на фотографии и, так сказать, вернул в семью, это было легко по той простой причине, что тот из нее никуда не уходил. Но для его возвращения, естественно, понадобилось поработать с фотографией и с квартирой, и, что самое интересное, сейчас Алексей Тимофеевич стоял под окнами этой самой квартиры.

Не позволяя себе задуматься, он поднялся по лестнице и позвонил. Ему открыла сама хозяйка, жена, вернее, вдова директора. Было видно, что плакать она уже не может и ей нужно говорить, говорить и говорить, чтобы не сойти с ума. Она нисколько не удивилась при виде белого колдуна, вернувшего в свое время профессора в семью, возможно, даже посчитала его появление естественным. — Я всегда была против его занятия этим так называемым бизнесом, — сказала она, не поздоровавшись. — Все это было не для него. Я всегда чувствовала недоброе.

Теперь Алексей Тимофеевич понимал, что она имела вполне обоснованные предчувствия, но, не

умея их объяснить, искала какие-либо реальные причины своей душевной тревоги. И самым простым объяснением была, конечно, другая женщина. Тем более что, заняв директорский пост, профессор вполне уверовал в свои коммерческие способности и, проявляя всегда присущую ему скрупулезность, проводил на работе целые дни и даже ночевал в своем кабинете на раскладушке. Наверное, именно добросовестность помешала ему правильно сориентироваться и встать на чью-либо сторону. Речь вдовы все лилась и лилась, и было видно, что ей становится легче от этого водопада слов, который извергал горе из ее души.

— Мой муж был настоящий ученый, он занимался... ну, в общем, стариной, чтобы не так доставала вся наша идеология. Ну, а потом сами знаете, что началось. Невыплата зарплаты, инфляция. Он даже взятки начал брать.

— Он брал взятки? — спросил Алексей Тимофеевич, слегка балдея от ее наивности.

— Он брал, но никогда не вымогал, — ответила вдова.

— А что, есть разница?

— Конечно, есть. Если человек хочет получить оценку просто так и сам предлагает, то это одно, а если у того, кто хорошо отвечает, все равно требуют, — это другое.

Интересная философия. Впрочем, философия

для того и придумана, чтобы совесть была чиста. Проще было бы сказать, что на фоне всего происходящего вокруг все это такие мелочи. Но разговор, кажется, ушел в сторону. Нет, не ушел, вдова продолжала:

— Через одного человека, который когда-то у него учился, мужу предложили возглавить эту фирму, сказали, что нужен порядочный, интеллигентный человек, он таким и был, он там дневал и ночевал... а потом это увлечение, когда вы нам помогли.

Алексей Тимофеевич опустил глаза и начал внимательно рассматривать паркет.

— Но там началась какая-то вражда, он мне ничего не говорил.

— Между кем и кем вражда?

— Не знаю, во всяком случае, этого мальчика Сеню... Вы знаете?

Алексей Тимофеевич кивнул.

— Так вот, этого Сеню просто внедрили туда. Он был совсем для работы не нужен, он должен был что-то узнать. А потом его убили.

— Кто?

Она махнула рукой.

Алексей Тимофеевич сделал глубокий вдох. Это посещение ему придется отработать. В свое время он уверил жену профессора, что на ее мужа влияет какая-то совершенно незнакомая ей

женщина, и успешно нейтрализовал ее влияние, рассудив, что та довольно значительная сумма, которую заплатила ему клиентка, ему нужнее, чем ей, тем более что душевное спокойствие он ей тогда обеспечил. Теперь он сказал.

— Ваша черная полоса окончилась, но она была неизбежна. Вам теперь ничего не угрожает.

— Я ведь говорила ему, — простонала вдова.

— Вы ничего не могли сделать, он вошел в систему, которая не соответствовала его карме, и поэтому погиб. В прошлой реинкарнации он был монахом. А вам нужно переждать некоторое время, а потом начать жить сначала. У вас еще есть радости впереди.

Алексей Тимофеевич вышел из квартиры, стыдясь себя, хотя сказал абсолютную правду, включая последние утешительные слова. Вдове убитого директора не было еще и пятидесяти, и на мученицу она никак не тянула. Муж, очевидно, не посвящал ее ни во что. Гораздо больше могла знать секретарша. А именно Светочка. Алексей Тимофеевич, несомненно, был призван распутать это дело, потому что Светочку он тоже знал. Месяца четыре назад он снял с нее венец безбрачия.

Придя домой, он открыл журнал и нашел ее телефон.

Светочка была довольно красивой девушкой, с ранних лет мечтавшей о замужестве.

Еще совсем маленькой она выбирала фасон свадебного платья, знала, какие в моде кольца и фата. Она читала запоем женские журналы и все, что писали в них, принимала как руководство к действию.

Не обладая никакими особыми талантами и исходя из простой семьи, она не могла смириться с тем, что так оно и будет и что красивой жизни она не достигнет никогда. Ребята ее круга не удовлетворяли ее требованиям, а те, за кого она мечтала выйти, исчезали после нескольких свиданий. С помощью различных манипуляций Алексею Тимофеевичу удалось снять с девушки злополучный венец, попутно объяснив ей глубокую мудрость того, кто использует реальные возможности. Разъяснения были приняты, поскольку Светочка была отнюдь не глупа. Она оказалась дома и сама сняла трубку.

— Это Алексей Тимофеевич, — сказал он, — почему ты не несешь мне шампанское?

Говорить так было рискованно, но не очень, во всяком случае, риск оправдался, потому что Светочка воскликнула:

— Ой, но ведь свадьба будет только восьмого.

— Так ты после восьмого рассчитывала прийти?

— Нет, мы с Игорьком сразу уезжаем, он моряк.

Где, интересно, она откопала моряка в нашем далеком от всех морей городе? Он сказал:

— Вот видишь, хотела, значит, зажать, и ты не боишься?

Она, наверное, действительно испугалась.

— Алексей Тимофеевич, а можно я сейчас приду?

— Прямо сейчас, ну ладно.

Голос Светочки звенел от волнения. Не стоило, конечно, ее так пугать, ну да ничего, ему нужно, чтобы она пришла срочно.

Он помнил, что она живет где-то рядом.

— Вы полусладкое любите?

— Я люблю конфеты.

— Ой, правда? — Да.

— Ну, так я сейчас.

Он положил трубку и попытался навести в квартире некоторый порядок, но ограничился тем, что убрал за занавеску магический шар.

Светочка пришла быстро. Она действительно принесла шампанское и кулек дорогих конфет.

— Я конфеты на развес купила, — затараторила она с порога, — так больше получается за те же деньги, чем в коробке.

Выглядела Светочка прекрасно и, разумеется, продемонстрировала фотографию жениха. Алексей Тимофеевич посмотрел и остался доволен, моряк — мичман, хорошее, открытое лицо. Теперь они

поедут жить в Севастополь. Светочка с тревогой смотрела на него, и он ее успокоил.

— Все в порядке, нормально, можешь ничего не опасаться.

Светочка улыбнулась:

— Тогда давайте выпьем.

Он достал бокалы, они выпили и начали стимулировать умственную деятельность, шурша бумажками.

Затем он сказал.

— Светочка, я, конечно, не пить тебя позвал. Обстановочка в вашей фирме не того.

— Ой, да.

— Ты уже рассчиталась?

— Сегодня.

— Прекрасно, значит, тебе ничего не угрожает.

— Вы поэтому позвонили?

— Да, но у тебя хватило ума ни во что не влезать и выйти оттуда чистой, я имею в виду чистой энергетически.

— Ой, не знаю, когда это все началось, хоть глаза закрой, хоть заткни уши, все равно что-то узнаешь.

— А б чем было дело?

У Светочки заблестели глаза. Теперь, когда лично ей ничего не угрожало, это было даже занимательно.

— А вы не знаете? Все фирмы, которые занимались ремонтом сельхозтехники, контролировались двоими.

— Кем?

— Вы знаете, я думаю, они вообще уголовники, бандиты, ну, вид у них такой, особенно, у одного, и кликухи. Того, который в основном нашей фирмой занимался, зовут Пятак, а другого Птица. Директор мне говорил, что его привлекли в это дело через другого человека, студента его бывшего, но тот тоже сидел.

— А тебе не страшно было в таком месте работать?

— А без работы еще страшнее.

— Это точно.

— И вот между Птицей и Пятаком начались какие-то конфликты. Птица внедрил нам этого Сеню, уж не знаю для чего. Он Елену Ивановну, это бухгалтер наш, достал. Нам этот номер совершенно был не нужен, это даже я, хоть и не бухгалтер, сразу поняла. Он должен был за чем-то проследить, что-то выведать. Но он, по-моему, был неплохой, работать пытался, помогать. А Елену Ивановну от одного его вида передергивало, может, она считала, что его хотят посадить на ее место. А потом...

— Про Сеню я знаю.

— И тогда Пятак стал под директора подбивать клинья, чтобы тот на него работал,

против Птицы, значит.

— Они ведь компаньоны?!

— Ну, что-то не поделили, а директор — он вообще был порядочным, он даже обналичку или что-нибудь в этом роде скрепя сердце делал, да и скандал этот, последний, был из-за каких-то подписей, директор ни за что не хотел подписывать, сказал — нет, и все. Они так кричали, а я все слышала. Пятак орет: «Ну и не подписывайте, раз трусите, хотя никакой опасности нет, мне эти подписи до задницы. Главное в другом: мне нужен здесь человек, который был бы мой и мне полезен, а на эти бумажки я любого посадить могу». А директор ему: «Вы со своим партнером сами разбирайтесь. Я никогда ничьим человеком не был и не буду, раньше не доносил и теперь не буду доносить». А Пятак так захихикал противно и говорит: «Да уж, ну уж, знаем мы, как в своих университетах друг дружку подсаживали, строите теперь из себя чистенького». А директор, конечно, возмущаться стал и в конце говорит: «Можете меня уволить». А Пятак: «Информированный ты слишком». А после этого...

— Я знаю, Светочка, знаю. А директор с тобой вообще разговаривал?

— Иногда, а дома он ничего не говорил, и друзей таких, чтоб можно было про такое говорить, у него не было.

— И что он говорил?

— Говорил, что не хочет вести двойную игру, ну, и там про грань, за которой компромисс переходит в подлость, про порядочность...

— Понятно, — сказал он, хотя понятного было немного, потом спросил: — Светочка, а он случайно к тебе не приставал?

— Нет, он вообще не такой, и потом, — Светочка перешла на шепот, — он любил жену.

Алексей Тимофеевич развернул очередную конфету и в задумчивости съел ее.

— Значит, теперь они друг против друга, а начинали вместе, Птица и этот, как его?

— Пятак.

— А тебе кто больше нравился?

Он сам удивился своему вопросу, но Светочку вопрос не удивил, она ответила сразу:

— Птица.

— Почему?

— На человека больше похож, хотя, вообще-то, не очень, больше на птицу. Хромой, кривобокий, руки длинные и нос крючком. Вообще, как птица с подбитым крылом.

— Ну, а Пятак какой из себя?

— Его описать трудно, никакой. Смазанный какой-то, его не запомнишь. Встретишь — не узнаешь.

Когда Светочка ушла, Алексей Тимофеевич

долго сидел в задумчивости. И так, эти Пятак с Птицей вытеснили всех конкурентов, причем по нашим временам довольно гуманными методами. И было это около трех лет назад. Теперь они начали разборку между собой. Причины? Мало ли какие. Кому-то показалось мало, хотя с чего бы это, бизнес вроде бы успешный. Держаться вместе легче и безопаснее, тем более что их связывают давние отношения. Возможно, в дело втянута какая-то третья сила, но гадать бессмысленно, в этом деле ничего нельзя строить на догадках, нужно положить пальцы на рану. Но как?

Он съел последнюю конфету, прошелся по комнате, заглянул за занавеску со всей магической атрибутикой. Оглядел иконы, разложил карты Таро, на которых, кстати, таки не научился гадать, покрутил магический] шар и вдруг, резко повернувшись, включил телевизор.

Какое-то время он сидел, бессмысленно уставившись на экран, где сменяли друг друга рекламные ролики. Потом начались местные новости. Президент сказал, премьер-министр посетил, оппозиция настаивает... Затем были новости спорта, прогноз погоды, снова реклама стирального порошка, и вот началась городская «Криминальная хроника», которую вел подполковник милиции Лещенко. Алексей Тимофеевич почувствовал, что чего-то дождался,

он усилил звук и сидел, внимательно глядя на экран.

По его глубокому убеждению, после определенного возраста на лице человека весь его внутренний мир написан довольно четко, и только очень молодые люди и очень хорошие актеры могут его скрыть. А то, что было написано на красивом, хотя и несколько полноватом лице подполковника Лещенко, говорило о твердой решимости действовать правильно, хотя и едва уловимая ирония по этому поводу тоже была видна.

Впрочем, — особо вглядываться не пришлось. Нужно было слушать. То, что он сейчас услышал, как будто и не удивило Алексея Тимофеевича. Казалось, он этого ожидал. Хорошо поставленный голос вещал:

— Сегодня была обстреляна машина предпринимателя Егорова. Телохранитель в тяжелом состоянии доставлен в больницу. Сам Егоров получил легкое ранение. На экране мелькнули носилки и склонившаяся над ним угловатая фигура, на мгновение показался горбоносый профиль. Значит, это и есть Птица, обладатель простецкой фамилии Егоров, слишком симпатичная фамилия для вора и бандита. Он вспомнил, что Светочке Птица нравился больше, чем Пятак. Итак, разборка уже на стадии стрельбы. Что могло быть причиной? Впрочем, Леле ничего

не угрожает. Они убили этого мальчика Сеню и директора, но неизвестно, какова была их роль. А роль Лели ясна, у нее нет никакой роли, она просто бухгалтер, ее незачем трогать, человек ни на чьей стороне сам по себе ценен. Но этого ей говорить нельзя, он чувствовал, что его тянуло в это дело, тянуло неодолимо. Он не любил это словосочетание за банальность, но иначе не скажешь — это его шанс. Он выключил телевизор.

Значит, Птица и Пятак работали вместе три года, может быть, даже больше. Бизнес такого рода требует постоянной работы, и они, видимо, хорошо дополняют друг друга, наездов со стороны нет, иначе Леля бы знала. И через три года начать дележ? Маловероятно. Наверное, появились новые обстоятельства. А если женщина? Кто знает. Он устал от мыслей и лег спать, но предварительно записал в блокнот, который положил перед собой на тумбочку: «Хочу знать причину конфликта между Птицей и Пятаком». Включив желание в подсознание, он заснул спокойно, без сновидений.

Алексей Тимофеевич никогда не пользовался будильником, он мог проснуться, когда нужно, дав себе задание с вечера. Сейчас он никаких заданий себе не давал, но проснулся довольно рано, причем зная точно, что нужно делать. И в сознании этого он вышел в довольно прохладное, несмотря на ярко светившее солнце, осеннее утро.

Алексею Тимофеевичу нравилось ощущение езды, хотя его старый, оставшийся от родителей «Москвич» давно стоял на приколе. Сейчас он получал удовольствие, сидя возле окна в полупустом троллейбусе.

ГЛАВА 3

Итак, телохранитель Егорова ранен, его погрузили в «Скорую» и отвезли в больницу. В какую? Разумеется, в Четвертую хирургию, туда везут все пулевые ранения, считается, что там самые лучшие врачи. Именно в Четвертую хирургию и ехал Алексей Тимофеевич, чтобы повидать раненого телохранителя Птицы.

В такую рань просторный холл больницы пустовал. Алексей давно знал, что в подобных случаях спрашивать и просить ничего ни у кого не надо, надо только утверждать, требовать, потому что внутри самого большого порядка таится самый большой хаос.

Он вежливо, но слегка высокомерно поздоровался с вахтером, у дежурного просто спросил дорогу и направился прямо к главному врачу. Он зашел в кабинет без стука. Главным врачом оказалась женщина средних лет, как говорится, следящая за собой, ее тщательный макияж скорее подходил для вечера, чем для утра

рабочего дня. В ответ на ее удивленный взгляд Алексей сказал:

— Вы не возражаете, если я сяду?

И сел, не дожидаясь ее ответа, потом спросил:

— Как вас зовут?

— Марина Васильевна.

— Очень приятно, Марина Васильевна. Я от Егорова, пришел узнать про нашего человека. Пожалуйста, как можно подробнее.

Марина Васильевна вскочила и заговорила взволнованно, демонстрируя свою заботу о пациенте. Алексей Тимофеевич смотрел на нее с легким презрением, победа далась ему слишком легко. Перед чем эта размалеванная фифа вытянулась в струнку, ну, конечно, перед деньгами Егорова. Она говорила быстро, пересылая свою речь медицинскими терминами, потом взяла листок бумаги и стала рисовать какие-то линии и крючки, которые должны были объяснить Алексею характер ранения и искусство врачей. Он кивал и, когда фонтан ее красноречия начал иссякать, спросил:

— То есть, сейчас прямой опасности нет?

— В общем, да, но он нуждается в уходе, который мы обеспечиваем. Вы можете сами убедиться.

Алексей Тимофеевич рассеянно кивнул.

— Простите, — сказала она вдруг, — Володя вас знает, вы его друг?

— Я психолог. На фирме такая должность штатная есть, я подбираю персонал, провожу тренинги.

Она как будто обрадовалась.

— Это хорошо, что вы психолог. Алексей Тимофеевич сдержал улыбку. Как быстро она поверила. Интересно, как бы выглядел психолог со своими тренингами у этих бандитов. Впрочем, теперь они не бандиты, и психолог никому не помешает. А мысль, кстати, интересная — создать тест на пригодность работы в криминальных структурах. Надо будет над этим поразмыслить.

Между тем Марина Васильевна сказала:

— Знаете, он плачет.

— Как? — спросил Алексей Тимофеевич удивленно.

— Вот так, лежит и плачет, большой сильный мужик, это нельзя объяснить ранением, болей сейчас нет, это моральное состояние.

Я пыталась с ним говорить, но у меня ничего не получилось, наверное, потому, что я не знаю ваших проблем. — В ее голосе слышалась искренняя озабоченность. И Алексей Тимофеевич подумал, что она совсем неплохая. Он сказал:

— Ну, пойдете к нему.

Раненый охранник Птицы, Володя, лежал в отдельной палате, и все вокруг свидетельствовало о внимании и уходе. Володя, конечно, не плакал

сейчас, но, взглянув на него, Алексей Тимофеевич понял, что его что-то точит изнутри, причем точит давно и не в связи с раной. Володя был, наверное, немного моложе его самого, но из тех, кто сохраняет что-то детское до конца жизни, хотя с первого взгляда была видна его огромная физическая сила, как и то, что он сидел. Его лицо было решительно и наивно. Такого можно заставить крушить все подряд, если внушить веру в собственную правоту. Именно такие совершали страшные жестокости и выдерживали нечеловеческие пытки. Из него мог выйти борец за народное счастье, а вышел бандит, впрочем, он ведь теперь не бандит.

Алексей Тимофеевич присел на стул возле кровати и сказал:

— Здравствуй, Володя.

Раненый слегка приподнялся на кровати.

— Вас Птица прислал?

— Какая Птица?

— Ну, Егоров.

— Ах, Егоров, это у него кличка такая?

— Ну да.

— Интересно. Нет, Марина Васильевна.

— Так вы из больницы, врач.

— Я не из больницы, я психолог.

— У меня что, крыша поехала?

Алексей Тимофеевич видел, что, несмотря на

внешнее спокойствие, Володя находится на грани нервного срыва. И сказал как можно равнодушнее, словно воспринял его слова как шутку:

— Нет, тогда бы из диспансера врача вызвали, психиатра. А я просто зашел к Марине Васильевне, хочу одного своего знакомого к ней положить, он в аварию попал. А она попросила с тобой поговорить, здесь психолог по штатному расписанию не положен, это же хирургия.

— Значит, заметила, что я реву. И чего она лезет, дура!

— Ну, не надо так говорить, она хорошая женщина. Могла бы меня не беспокоить и сама не беспокоиться, это не ее дело в твое душевное состояние вникать, ее дело — тебя отремонтировать, и все. Хотя, конечно, душевное состояние имеет значение для выздоровления.

— Кому оно, на фиг, нужно, мое душевное состояние? И даже если теперь вы будете со мной беседы вести, чтобы мне вроде как легче стало, так ведь это все для того, чтобы я быстрее очухался, чтобы опять пахал, меня пристрелили как теленка и, наверное, жалели, что потратили пули не на того, я никто, пустое место.

Алексей Тимофеевич смотрел в его открытое лицо с дергающимися губами.

Ах, вот оно что, мы хотели бы быть значительными. Но ведь каждый значителен

настолько, насколько он сам себя таковым считает. Каждая личность неповторима, но эту банальную истину мало просто знать, надо чувствовать себя неповторимым и уже поэтому достойным уважения. Но сколько всего совершается ради того, чтобы навязать миру свою единственную и неповторимую личность. Подумать только, что взрослые люди прилагали массу усилий, чтобы заставить других взрослых людей именовать себя «ваше величество». И все от неуверенности в себе. Только тот, кто твердо знал, что сам по себе ничего не значит, мог назваться сыном небес и царем царей. Нормальному человеку вполне достаточно быть сыном своих родителей.

А Володя унижен, оказавшись в роли мешка с песком, который прикрыл Птицу от пуль.

Ну что ж, ситуация, в общем, понятная, но надо по возможности узнать побольше подробностей. Засунуть пальцы в рану как можно глубже.

Глядя в открытое лицо Володи, Алексей Тимофеевич спросил:

— Ты давно знаешь Егорова?

— Да, с тюрьмы, он, между прочим, меня из дерьма вытащил. Я, понимаешь, не могу, не знаю, как сделать, чтоб себя поставить, я и сел то из-за этого. Смотреть не могу, когда несправедливо, ну, а в тюрьге знаешь...

Алексей Тимофеевич не знал, но кивнул.

— Так вот, я убить кулаком могу, — и Володя всхлипнул, — но только убить, а вот так, чтоб сделать как надо, не могу, я прямой, понимаешь...

Да, Володя прямой, как проспект. Это видно невооруженным глазом. Качество неплохое для проспекта. Впрочем, и для человека тоже.

Володя продолжал:

— А Птица меня при себе держал, я бы без него пропал. Он раньше меня вышел, но я тогда уже и без него знал, что к чему. А когда вышел я, они с Пятаком уже фирму открыли. Ну, Птица меня и взял. И квартиру мне купил. — Володя смотрел безнадежно, как в пропасть, которую ни объехать, ни обойти.

— И что? — спросил Алексей.

— Но я его ненавижу.

— Это можно понять, — сказал Алексей, хотя ровно ничего не понимал.

— Вот видишь, ты понимаешь, ты первый, кто понял. Он мне вообще все, я без него никто, он меня всегда при себе держал, и я без него жить разучился, брось он меня, и я пропаду. Я ведь всем ему обязан, без него меня вообще нет. Я всегда ждал, чем все это кончится, потому что это только я такой прямой, а все вокруг... никто никому просто так ничего не делает. Теперь я понял, он меня возле себя держал, чтобы меня вместо него убивали, он

сейчас меня вылечит — и опять под свои пули.

Алексей молчал, давая Володе возможность выговориться, судя по всему, Володя не говорил этого никому и никогда, не говорил даже себе так полно и искренне, как сейчас. Алексей Тимофеевич понял наконец ситуацию. Володя человек прямой и предельно искренний, более, чем это позволено в нашей жизни. Алексей Тимофеевич всегда считал, что большинство людей, которые приходят к нему на консультацию, лишены баланса, то есть обладают некоторыми вполне нормальными и хорошими чертами в избытке, в несколько большей мере, чем это принято. И если верить в прошлую жизнь, то, возможно, там, в прошлом, эти черты были вполне уместны, а теперь создают человеку лишние проблемы. Родись Володя в другую эпоху, живи он в другой среде, то все у него было бы нормально. Впрочем, сейчас не время вникать в такие вещи. Предстоит конкретная работа. И ему совершенно ясно, как можно помочь Володе, с этим он вполне справится. Алексей спросил:

— Почему они попали в тебя?

— Потому что Птица за руль сел, он, когда нервничает, всегда за руль садится.

— А он нервничал?

— Нуда.

Теперь Алексей Тимофеевич окончательно убедился, что такая психологическая задача вполне

ему по силам. Володе можно все объяснить и направить его мысли в другое русло. И то, что Алексей Тимофеевич собирался сказать, не было просто словами утешения, а соответствовало его глубокому убеждению.

— Значит это просто случайность, что он сел за руль. Но ничего случайного на самом деле нет, понимаешь, все закономерно. Ты ему обязан всем, и это мучило тебя, но теперь вы с ним навеки квиты. Неужели непонятно, что тебя было решено освободить от зависимости таким путем.

— Кем решено?

— Теми, кто решает. Птица ведь не подставлял тебя, он не мог знать. Стреляли не в того, кто сидел за рулем, а в того, кто сидел рядом, а сзади Птица не имел привычки сидеть. Так ведь?

— Так. И что теперь?

— Теперь ничего. Ты расплатился, и вы равны. Один нормальный человек, старший, помог другому нормальному человеку, младшему, а тот его за это от смерти спас.

— И он это понимает?

— Ну не debil же он, да и внимание к тебе здесь по высшему классу.

Лицо Володи посветлело, но что-то, видимо, продолжало беспокоить его. Он спросил:

— Но почему Птица сам ни разу не

нарисовался?

— Да ведь к тебе никого не пускали.

— Тебя пустили.

— Я врач. И Марина не хотела к тебе в таком состоянии пускать никого, но теперь я ей скажу, что можно.

— Пусть придет, — сказал Володя и закрыл глаза, эмоциональный всплеск обессилил его, и по-хорошему надо бы оставить его в покое, но сейчас, к сожалению, он не мог себе позволить поддаваться подобным чувствам. Алексей Тимофеевич немного помедлил и сказал:

— Я слышал про ваш бизнес, про Егорова, мне нравится, что эти люди пустили наворованное на мирное и нужное дело, но зачем опять стрельба?

Володя открыл глаза.

— А потому, что нельзя, нигде нельзя прямо.

Володя начинал забавлять Алексея Тимофеевича, и он сказал:

— Почему? Вы очень даже прямо всех конкурентов выперли.

— Ну да...

Методы, которыми их выперли, этого любителя прямых путей не смущали. Алексей спросил:

— Ну, выперли, а потом?

— А потом подполковник Лещенко, знаешь, который передачу по телевизору ведет, захотел

войти в дело.

— А это плохо?

— Как смотреть. С ним вечно делиться придется, но ведь с ментами все делятся, но зато налоги можно обойти и все такое, в общем, так на так и выйдет — и спокойнее.

— Так в чем же дело?

— А в том, что не для того мы из тюрьги людьми вышли и бизнес сделали, чтоб теперь под ментами быть.

Чувствовалось, что Володя повторял чужие слова, но он полностью разделял их смысл.

— Это Птица так говорит?

— Да, и я так говорю.

— А Пятак?

— Ты и Пятака знаешь? А Пятак из подсрачников, как был, так и остался.

— Как это?

— Знаешь, за что он сел? Это еще когда комсомол был, так он в райкоме, обкоме, или как их там, крутился. Помнишь, когда только видаки появились, за кассету с порнухой можно было загреметь. Так вот те, кто у себя в доме крутили порнуху и деньги брали за вход, многие схлопотали срок. А обком комсомола позже открыл в своих помещениях такую же фигню, это уже искусством считалось. Вот там Пятак и латался. А потом они со студентов на что-то собрали и присвоили, а тут

понадобилось кому-то себя показать или выгородить, а Пятак крайним оказался, вот его и сдали, свалили на него все, а выручать было некому или силенок мало оказалось. Так что Пятак, в натуре, подсрачник, ему просто не повезло, а так ему под госзадницей нравится. А нам — нет.

— А Птица за что сидел?

— Птица, — сказал Володя уважительно, — это у него третья ходка была, за разбой.

Алексей Тимофеевич встал. Он узнал вполне достаточно, а заодно и доброе дело сделал. Глядя, на умиротворенное лицо Володи, он сказал:

— Вижу, тебе легче стало, ладно, лежи, я скажу Марине, что к тебе уже можно пускать, и Птица придет тебя навестить.

Володя приподнялся.

— Ты там не болтай, что я тут базарил.

— Не волнуйся, у нас профессиональная тайна, да и что ты такого сказал, кому надо, тот и так знает, а другим — по барабану.

Алексей вышел из палаты. Собственно, можно было просто уйти, но он не хотел быть неблагодарным. Несмотря на расхожее мнение, будто добрые дела никогда не остаются безнаказанными, они все же по большей части вознаграждаются, правда, не всегда сразу. Миновав длинный коридор, он зашел в кабинет к Марине Васильевне. Она стояла у окна и курила. Его всегда

удивляло, как много среди врачей курящих.

— Ну что? — спросила она, увидев Алексея Тимофеевича.

— А знаете, все в порядке, у него сформировался, — он помолчал, как бы это сказать покороче, — комплекс вины. Не буду обременять вас подробностями, но теперь он успокоился. Кстати, Егоров хотел к нему зайти?

— Не знаю.

— Володя очень хочет его видеть. У меня к вам просьба. Позвоните Егорову и скажите, что было бы очень желательно, чтобы он навестил Володю. Только обо мне не упоминайте, а как бы от себя. Посторонним врачам, особенно врачам из больницы, люди больше верят — свойство такое.

— Ладно, позвоню.

Марина Васильевна улыбнулась, и Алексей Тимофеевич окончательно понял: она хорошая.

ГЛАВА 4

Выйдя на улицу, Алексей Тимофеевич решил, что вполне заслужил шоколадку, и купил ее в ближайшем киоске, но, развернув, понял, что совершенно напрасно хвалил себя. В два часа он назначил прием. Придет Елена Ивановна, и что он ей скажет? Что он отвел черные силы, ну а дальше? Продолжать что-то придумывать? Она догадается,

да и недостойно это. Ей ничего не грозит, чем бы все ни кончилось, но он больше не увидит ее... А он верил, что на свете нет ничего случайного, а то, что привело ее к нему, является знаком чего-то и будет иметь продолжение. Проходя мимо кондитерской, он, сам не зная зачем, купил небольшой торт в форме сердечка, хотя деньги заканчивались, и новых клиентов пока что не ожидалось. На сегодня никто не записан, как, впрочем, и на завтра, и на послезавтра.

Придя домой, он навел в квартире порядок со всей тщательностью, на которую был способен, переставлял вещи с места на место и поглядывал на часы.

Вот уже два, он ходил по комнате и ждал ее. Может быть, она вообще не придет? Нет, этого не может быть, просто потому, что так не бывает, кроме того, ее не могло не испугать то, что стреляли в Птицу. Он зашел за занавеску и покрутил магический шар, стекло приятно охлаждало горячие ладони, но вдруг его руки ощутили тепло, оно было не обжигающим, а приятным. В это время раздался звонок. Это пришла она. На ней было то же платье с завышенной талией. Это умилило Алексея Тимофеевича. Ну, не дурочка ли она, милая, хорошая дурочка. Специально не переделась. Хотела показать, что для него не прихорашивалась,